

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТЕНЬ
ЧУЖОГО
ВРАГА

Ошибка стоит
жизни

Галина Владимировна Романова

Тень чужого врага

Серия «Детективы Галины Романовой.

Метод Женщины. Новое оформление»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74107327

Тень чужого врага / Романова Галина Владимировна: Эксмо; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-250127-2

Аннотация

В небольшом поселке обнаруживают два трупа – мужчину и женщину, слившихся в смертельном объятии. Местный участковый Анисимов, недавно овдовевший и пытающийся справиться с одиночеством, начинает расследование, которое выводит его на след серийного убийцы, использующего электрички для поиска жертв...

Параллельно в Москве майор Дима Воинов занимается делом о загадочной смерти продюсера в ресторане. Обе линии постепенно сближаются, указывая на одного преступника...

Новая книга Галины Романовой – очень интригующая и трогательная история о том, насколько мы ответственны за то, что делаем со своей собственной жизнью. Несколько увлекательных сюжетных линий, повествующих о судьбах разных людей,

развиваются параллельно, чтобы в финале сплестись в тугий узел, когда все тайны будут раскрыты, а злодеи выведены на чистую воду.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Романова

Тень чужого врага

© Романова Г.В., 2026

© Оформление ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

*** * ***

Глава 1

Она сидела съежившись у самого окна в вагоне, полном пассажиров. Черная толстая куртка. Черные широкие джинсы. Грязные понизу штанины такие длинные, что не видно обуви. Но он был уверен, что под штанинами обнаружатся расхлябанные кроссовки на толстой подошве. И носки с дырками на пятках – закономерность для таких, как она. Низко надвинутый капюшон толстовки почти полностью скрывал козырек черной кепки. И лица, конечно же, не было видно.

Этим он тоже балуется. Не любит, когда его лицо на виду. Девушка усиленно демонстрировала усталость и расслабленность. Делала вид, что дремлет. Но он был уверен, что каждый нерв ее натянут струной. Подойди, тронь – и она сорвется, побежит. Ни за что кричать не станет. Не потому, что постесняется. А потому, что знает: бесполезно. Никто не придет на помощь. Чего тогда кричать?

Девушка знала о своей жизни всё наперед. Там не было ничего хорошего. Полная тьма. В лучшем случае – сумерки. Девушка знала о себе всё досконально, поэтому не надеялась, что сумерки ее жизни когда-нибудь сменятся ясным днем. На ней было клеймо, она, возможно, с ним и родилась. Родители сто процентов пьющие, неработающие, перебивающиеся разовыми заработками. Кое-как собирали ее в шко-

лу, пока она туда еще ходила. Когда бросила, махнули рукой и вздохнули с облегчением: не надо теперь тратиться. Что их дочь делала в то время, когда должна была посещать школу, и с кем общалась, их совершенно не волновало.

Она была проблемной, родившейся у таких же проблемных родителей. Удивительно, что их не лишили родительских прав. Может, потому что никому до них не было дела? Или их дочь ухитрилась балансировать на самом краю, не падая?

Это было не важно. Предыстория его не волновала. Его волновало, как сейчас сложится их диалог. Выслушает она его или пошлет? Если выслушает, то пойдет ли с ним? Если пойдет с ним, согласится ли потом на его условия?

Да, и еще было важно, чтобы девчонка оказалась совершеннолетней. Если ей нет восемнадцати, то планам его не суждено сбыться. Это против его правил.

Электричка остановилась на загородной станции, выпустив из вагона почти всех пассажиров. Оставшихся можно было пересчитать по пальцам одной руки. Он, девчонка, парочка у самого выхода и пожилой угрюмый мужик. Парочка всю целовалась, не обращая ни на кого внимания. Мужик с большим пакетом, из которого торчали замороженные рыбы хвосты, не смотрел по сторонам. Взгляд его был застывшим. Возможно, подсчитывал расходы после поездки на центральный рынок. Этой электричкой пользовались многие, кто ездил туда за покупками.

До конечной было всего две остановки, когда в вагоне остались лишь он и девчонка. И тогда он, перестав притворяться спящим, пошел к ней, всё еще притворявшейся спящей.

– Привет, – сказал он, сев на ее скамейку в некотором отдалении.

Это было важно. Сядь он ближе, она насторожится. Сядь напротив – она сбежит. А так, стоит ей сделать попытку, он тут же ее остановит.

Конечно, она не ответила, сжавшись еще сильнее. Ее тело словно превратилось в камешек.

– Что, всё так плохо? – спросил он, не дождавшись от нее ни слова.

Он и не рассчитывал. Они редко сразу шли на контакт.

– Понимаю тебя. Денег нет. Ехать некуда. Давно катаешься на этом маршруте?

И тут она шевельнулась. Чуть повернула голову в его сторону и прошипела:

– Тебе чё надо, мужик?

– Ничего.

– Ты мент, что ли? – предположила она.

Это его рассмешило, и он еле подавил улыбку.

– Нет. А похож?

– Если не мент, значит, маньяк, – сделала она вывод.

И задрала-таки голову, демонстрируя крупные карие глаза, пожелтевшие синяки под ними, высокие скулы и тонкие,

четко очерченные губы. Девчонка оказалась очень симпатичной. И это было хорошо.

– Точно, маньяк. – Он не сдержался и весело фыркнул. – И таких вот, как ты, ем на завтрак пачками. Ладно...

Он полез во внутренний карман теплой куртки, достал заранее приготовленные деньги. Ей он выделил три тысячи. Почему, и сам не знал. Но был уверен, что три тысячи для нее большая сумма. Она клюнет. Должна будет клюнуть.

– На вот, купишь себе чего-нибудь пожрать, – швырнул он ей купюры на колени.

Заметил, как она снова замерла и словно окаменела. Но деньги не смахнула на пол, не вернула ему, возмущенно заявляя, что она не продается и всё такое. Сидела, низко опустив голову, и никак не реагировала.

– Так, кажется, моя станция, – пробормотал он, вставая. – Ну всё, бывай. Береги себя. И пожрать себе чего-нибудь купи, на дозу не трать.

– Я не употребляю, если ты об этом! – возмутилась девушка.

– Тогда поешь.

Поезд начал притормаживать. И он пошел к выходу, на ходу считая.

Если она сейчас сразу кинется за ним, то для того дела, для которого она была ему нужна, она не особо годится. Если догонит на перроне, то возможность появлялась. Если будет плестись за ним, всю дорогу соблюдая дистанцию, то это

отлично. Она ему подойдет.

Почему? Потому что умная, осторожная, не готовая хватать с руки крошки за копейку малую...

– Меня Наташей зовут, – проговорила она вполголоса, догнав его уже в поселке. – А тебя?

– Меня – Николай, – придумал он на ходу себе новое имя. – Будем знакомы?

– Будем. А ты где живешь, Коля?

Они стояли на заснеженной улице загородного поселка, после праздников сделавшегося почти полностью необитаемым. На этой улице никого сейчас не было. Хозяева уехали в город, поставив свои коттеджи на сигнализацию.

Дом, в который он должен был ее сейчас отвести, продавался. Уже давно продавался, но покупателей не было. Далеко от станции, холодной воды нет в доме, канализации тоже. Кому нужен этот дом, пусть и двухэтажный?

Риелторам через год надоело сюда бесполезно кататься, и они отказали хозяевам в услугах. Хозяева, он точно знал, зимой улетали на острова. Дом оставался бесхозным. Сигнализации не было, станут они тратиться на ерунду. Он и воспользовался.

Он всегда находил такие вот неприметные, бесхозные жилища: дома, квартиры, комнаты. Просто заселялся в них или заселял кого-то, не ставя хозяев в известность. Им было не до того – тем хозяевам, которых он вычислял. Они либо жили в других городах или за границей, либо вовсе были при-

кованы к койке где-то по другим адресам.

Он всегда находил то, что ему было нужно для дела. И никогда не оставлял следов.

– Это твой дом? – указала Наташа подбородком в сторону двухэтажного мрачного строения с окнами, закрытыми металлическими ставнями.

– Сейчас мой. Я его арендую, – поспешил он добавить, чтобы не пугать ее раньше времени.

– Мне можно у тебя остановиться? – задала она вопрос, которого он ждал.

– Как хочешь, – ответил он как можно равнодушнее. – Но предупреждаю: туалет на улице. Вода в колонке. Отопление газовое есть, но я им не пользуюсь, топлю камин.

– Есть камин? – ахнула она как будто с восторгом.

– Есть.

– А пожрать есть чё? Я проголодалась. – Она попрыгала на заснеженном тротуаре. – Кажется, кости гремят.

– Найдем тебе поесть. Ну что, идешь со мной?

Она пошла безропотно. И помогала активно. И воду таскала из колонки, заполняя опустевший бак. И картошку чистила. И документы ему показала, когда он потребовал. Паспорт был выдан на имя Харитоновой Натальи Викторовны. Девятнадцатилетней москвички, зарегистрированной на улице, о которой он даже никогда не слышал.

Свой паспорт он ей не показал. Сказал, что обойдется. Она у него в гостях, а не наоборот.

Они совместно приготовили простой ужин – сварили картошку, бросив туда пять куриных крылышек и лавровый лист. Он открыл банку с помидорами. Обнаружил неделю назад в подвале в старых хозяйских запасах. Достал полбуханки хлеба из целлофанового мешка. Нарезал тонко. И пока Наташа плескалась в прохладной душевой над тазиком, он накрыл на стол.

Она вышла, когда крылья с картошкой уже дымились в ее тарелке. Волосы вымыла, распустила по плечам. В его толстом длинном свитере из ангорки и теплых черных колготках, забытых хозяевами в комод, выглядела даже вполне себе ничего. В тусклом свете единственной лампочки – яркое освещение ему было ни к чему – Наташа показалась ему вполне пригодной для нового дела. И синяков почти не было видно.

– Прощу к столу, – приглашающе махнул он рукой. – Едим молча. Все разговоры потом.

Она согласно кивнула, села к столу и минут десять ела не отвлекаясь. Она, кажется, даже не замечала, как он на нее смотрит. А он смотрел прицениваясь, анализируя.

Девчонка выглядела очень потрепанной. И можно было только догадываться, что довело ее до такого состояния. Но вредными привычками точно не обросла. Не пила, не курила и не баловалась запрещенкой. Он же сразу потребовал от нее руки показать и зубы. И она продемонстрировала.

– Кто тебя побил? – спросил он, когда она поела и взяла

в руки бокал с чаем. – Твой парень?

– Нет. Отец. Напился, полез на мать, я вступилась и огребла по полной. Кажется, он даже не понял, что это я. Наутро плакал и просил прощения, но...

– Но что? Не простила?

– Нет. Потребовала от матери, чтобы она с ним развелась и выгнала из дома. Тем более что хата моя – от бабки осталась. Свою-то они давно профукали. Отец ввязался в какую-то авантюру, банк забрал их квартиру за долги.

– И что мать?

– Не знаю и знать не хочу. Дала ей месяц сроку. Либо он сваливает, либо они оба. И ушла из дома.

– Давно блуждаешь?

Судя по синякам, полторы недели. Такой вывод он сделал.

– Полторы недели, – ответила она. – То у одних знакомых перекантуюсь, то у других.

– Не работаешь?

– Нет пока. Перехватываю случайные заработки, чтобы за коммуналку платить и всё такое. Сейчас вот с родичами утрясу проблему, тогда уж пуцусь в активные поиски. Да и синяки должны пройти: кто меня с фингалами возьмет?

Он размышлял.

Синяки окончательно пройдут недели через две – тогда не останется ни единого следа на ее гладкой коже. За две недели он сможет ее обучить простейшим навыкам. И потом устроит ее на работу. И пока Наташа будет работать, он подумает,

как распорядиться ее квартирой. Эта новость, свалившаяся на него вместе с Наташей, оказалась приятным бонусом. И думать не думал, а вон как вышло. Жить в Москве все же лучше и удобнее. В толпе затеряться гораздо проще, чем в глухомани. Хотя жить он там, может, и не станет. А использует это жилье как-то иначе. Надо будет подумать.

То, что в Наташиной квартире сейчас проживали ее родители, его совсем не волновало. Не такие препятствия устранялись махом. А что за препятствие – парочка алкашей? Смех...

– В общем, так: спать будешь в гостиной. Там камин и гораздо теплее, – скомандовал он сразу после того, как они убрали со стола и совместно вымыли посуду. – Завтра с утра начнем обучение.

– Обучение? – удивленно вскинула Наташа аккуратные брови.

– Работать хочешь?

– Хочу.

Она методично вытирала чистым полотенцем разномастные тарелки.

– А что можешь?

Подумав, она кратко ответила:

– Полы мыть, посуду, руками стирать могу очень чисто.

– Уже неплохо. Но мы еще кое-чему тебя научим. А сейчас спать.

Он не сделал ни единого намека, что хотел бы переспать с

ней. Вел себя как старший товарищ, не более. Если Наташа сама предложит, он не станет отказываться. Одно другому не мешает, так ведь?

– Спокойной ночи.

Она сразу поняла, что он не станет приставать, и благодарно улыбнулась.

А он в который раз восхитился собственной проницательностью: не ошибся в этой девушке. Хорошенькая. Умненькая. Послушная. У него с ней все получится.

Глава 2

Валентин сдавал? Как ни пыталась она тянуть его за собой, как ни старалась растормошить, ничего не выходило.

Что не так? Что-то не так...

Валентин с каждым днем становился все более мрачным. Цвет лица серый, под глазами с утра мешки, взгляд мутный. Он сделался неразговорчивым, раздражительным. И все чаще ложился спать в своей холостяцкой спальне.

Разница в возрасте между ними была в двадцать пять лет. И если поначалу пятидесятилетний Валечка излучал энергию, целеустремленность, восхищал ее, заряжал позитивом, то спустя двадцать лет совместной жизни будто выдохся.

– Он просто постарел, Нико, – скалился брат Миша в ответ на ее жалобы. – Ему семьдесят – что ты хотела? Чтобы он, как двадцать лет назад, с теннисной ракеткой бегал и на лошадях через барьеры прыгал?

– Почему нет? Семьдесят – не возраст для мужчины, – вяло возражала она.

– Серьезно? Хочешь сказать, что через тридцать пять лет я буду все так же силен в постели? И все женщины будут от меня без ума?

Миша задирает голову, хохоча во все горло. Он всегда громко смеялся, заражая своим смехом окружающих. Но сейчас Веронике было не до смеха. Она лишь поморщилась

и потеряла виски указательными пальчиками.

– Кстати, а как у вас в сексе, Нико?

– Отстань.

– Нет, ну правда. Вы с ним того, а? Или нет?

Брат смотрел на нее догадливо и насмешливо. И это Веронику ранило больше всего. Но брат намекал на возраст ее мужа, совершенно опустив тот факт, что и ей уже сорок пять. И она уже сходит с дистанции. И последний прием у одного влиятельного лица это доказал как нельзя лучше.

На нее совершенно не смотрели мужчины! А она была хороша в новом платье с глубоким декольте. И прическа была красивая, замысловатая. И макияж выше всяких похвал. А всё мимо! Все взгляды! На нее не обращали внимания не только мужчины, но и женщины. А это было гораздо хуже.

Зато произвела фурор молодая спутница одного из партнеров ее Валечки. Высокая, худая, волосы длинные, до пояса, и просто причесаны, макияжа почти ноль. Но ей вслед оборачивались. И ее Валечка тоже. И даже к ручке ее приложился.

– Какой позор, – шипела Вероника, возвращаясь с мужем домой.

– Что именно, дорогая? – сонно спросил супруг.

Он принялся дремать сразу, как сел в машину, отдав распоряжение водителю везти их за город. Даже ее не спросил. А она не хотела за город. У нее завтра в три массаж. Но он даже не спросил.

– Что ты считаешь позором? – поторопил ее с ответом Валентин, приоткрывая глаза. – То, что я поцеловал девочке ручку, или то, что мой партнер привел малолетку на прием?

– И то и другое, – буркнула она в ответ. – Притащил в приличное место какую-то студентку!

– Ну-у... Тут я с тобой не соглашусь. Нет в том никакого позора, Ника. Двадцать лет назад я так же вот ввел тебя в свет. А ты была на каком? На пятом курсе?

– Я уже, между прочим, проходила ординатуру. И была без пяти минут доктором. А она кто?

– Артистка, – ответил муж, загадочно улыбаясь. – И она чудо как хороша и талантлива. И очень молодая. И кожа у нее такая... Такая шелковистая...

– У меня тоже, знаешь, не пергамент! – взвилась она мгновенно. – А ты когда в последний раз до нее дотрагивался, Валя?

– До кого? – сделал он вид, что не понял.

– До моей кожи! Мы спим отдельно! Уже полгода, Валя!

– Ника, не начинай, – поморщился он с раздражением.

И замолчал. И промолчал до самого дома. А потом ушел к себе, а утром, пока она спала, уехал на фирму...

– Вижу, Нико, что все у вас в этом плане плохо, – подвел черту братец, совершенно точно истолковав ее молчание. – И причина не в вашем преклонном возрасте.

– Он у меня не преклонный! – рассердилась Вероника, швырнув в брата диванной подушкой.

– А в том, что, возможно, у твоего мужа кто-то появился, – продолжил брат, ловко отбив подушку рукой.

Взгляд Миши сделался противным. Он точно что-то знал. Но рассказывать не собирался.

– Говори! – повысила голос Вероника. – Говори, что знаешь! И не смей крутиться, Миха! Или я...

– Или ты что? – Его взгляд стал еще противнее. – Лишишь меня карманных денег?

Вероника прикусила губу. Карманных денег с некоторых пор и она не имела. Все четко по чекам и надобности и ни рубля сверх того. А что говорить о Мише! Несколько лет назад Валентин его баловал. И подарки были щедрыми. И жить бесплатно в квартире, принадлежащей фирме, Мише позволял. Но потом всё вдруг и сразу прекратилось. Как будто оборвалась незримая пуповина, связывавшая Валию и ее брата.

– Миша, братик..... – Вероника подползла к нему на коленках по дивану, на котором они вдвоем сидели. – Пожалуйста! Расскажи, что знаешь! Предупрежден – вооружен. Вдруг Валя задумал меня бросить?

– С чего вдруг? – отозвался Миша скрипучим голосом. – У вас сын.

– Макс давно за границей. Поступил. Успешно учится. А я тут путаюсь у Вали под ногами. Возьмет и разведется со мной. И будет за ручку водить такую же вот молоденькую красотку, с которой явился его компаньон.

– Кстати, о красотке. – Миша покосился на Веронику, усевшуюся очень близко. – Ты знаешь, что она артистка?

– Да. Валя говорил.

– А Валя говорил тебе, что он крупно вложился в какой-то сериал, где эта девчонка будет сниматься?

– В смы-ысле?!

Вероника вскочила с дивана, как будто с раскаленных угрей.

– Поразмысли! – фыркнул Миша в ответ. – Мало же ты знаешь о своем супруге, Нико! Можно сказать, что вообще ничего не знаешь.

– Нет, погоди, погоди! – махнула она на него узкой ладошкой. – Девка его компаньона, почему Валечка платит деньги? Или. . .

– Ну, ну, думай, Нико, думай.

Вытянув шею, Миша смотрел на нее с азартным ожиданием.

– Ты хочешь сказать. . . – Внутри у нее сделалось холодно. – . . . что это девка не его компаньона, а Валечкина?

– Бинго, Нико! Как до тебя долго доходит! – проговорил брат с непонятной обидой.

– А я и думаю: с чего бы это он какой-то девке ручки взялся целовать? – Ненависть принялась раздувать ее легкие, как органические меха. – Старый козлина! Тебя с довольствия снял. Меня ужимает. А какой-то шлюхе в сериал решил вложиться! Ах ты. . .

– И это еще не всё, Нико.

Миша встал с дивана. Подошел к сестре и обнял за плечи, поцеловав в висок.

– Мне доподлинно стало известно, что твой старпер собрался переписать завещание.

– Да ладно!

Колени у нее вдруг подогнулись. Если бы не крепкие руки брата, Вероника точно упала бы на пол. Миша удержал ее, довел до дивана. Усадил, подложив под спину сразу три подушки. Дал ей отдышаться и переварить новость.

– Сведения точные. Информация из офиса нотариуса, с которым давно сотрудничает твой Валечка. Договоренность о встрече на следующей неделе. Ровно через пять дней. У тебя, Нико, ровно пять дней.

– На что? Чтобы вещи собрать и к родителям уехать? – Ее губы дрожали, она задыхалась.

– Еще чего! Ты двадцать лет ему была верной женой. С какой стати...

– А с какой вообще стати он завещание решил переписать? Болеет? – Вероника резко подобрала ноги под себя.

– Об этом мне ничего не известно, Нико.

Миша задумался. И довольно долго просидел молча.

– Мне надо позвонить, – прервал он свое молчание и встал. – Я сейчас.

Отсутствовал он еще дольше, чем молчал. Вернулся темнее тучи.

– Твой Валечка в прошлом месяце прошел комплексное обследование, Нико, – объявил ей брат.

– И? – Вероника прищурилась. – Он болен?

– Судя по результатам обследования, твой Валечка будет жить долго и счастливо. – Миша присел к ней на диван, взглянул проникновенно и добил: – Жить он будет долго и счастливо, Нико, но вряд ли с тобой.

Глава 3

Ресторанный зал был наполовину полон – или наполовину пуст, это как кому угодно. Веронике хотелось думать, что зал наполовину полон, и даже этого было много. Для важного разговора, который она запланировала, ей необходимо было пространство. Чтобы никаких лишних ушей, если ситуация выйдет из-под контроля и кто-то из них повысит голос. Чтобы никаких косых взглядов, если всё вдруг пойдет хорошо и они с Валечкой примутся обниматься, целоваться и нежно гладить друг друга.

На последнее она мало надеялась. Но вдруг? Муж вчера и сегодня вел себя вполне прилично и даже улегся вчера вечером с ней в одну койку. Правда, сразу отвернулся от нее и захрапел. Но ведь не ушел в свою холостяцкую спальню? Не ушел. Это обнадеживало.

Утром, когда Валечка проснулся, она нежно целовала его, шептала всякие милые словечки. И он растаял, отечески похлопал ее по спине и поинтересовался:

– Ну, что надо лисичке-сестричке? Новую шубку присмотрела?

– Нет, любимый. Моими шубами можно выстлать наш сад, – нежно рассмеялась она. – Просто соскучилась. Ты давно не был в этой постели. Давай поужинаем сегодня где-нибудь?

Он задумался, сведя брови. Видимо, искал отговорку. Но выдумать экстренное совещание вечером в субботу было очень сложно. И неожиданную встречу с партнерами тоже. Рождественские каникулы. Все разлетелись кто куда. Только они засиделись в Москве непонятно по какой причине.

Нет, о причине она как раз теперь знала. И искренне надеялась эту причину потеснить. Не нахрапом, не скандалами, а нежностью и хитростью.

– Давай поужинаем, – неожиданно быстро согласился Валечка. – Ресторан выбирай сама. Ты всегда этим занималась. Не будем изменять традиции. Ну всё, милая, я на пробежку.

Бегом он занялся совсем недавно. Последние лет пять все больше бассейном увлекался и тренажерами. Еще раньше были теннис и конный спорт. Теперь вот бег трусцой по поселку. Возможно, это была рекомендация его докторов, у которых он проходил обследование. Возможно, требование возраста. Ника не возражала. Пусть себе бегает.

Нет, она, конечно, надеялась на то, что муж не так скоро выберется из-под одеяла. Но ни на чем таком настаивать не стала. Согласился с ней поужинать сегодня – уже победа. А ресторан они с Мишей уже выбрали. Пять дней назад выбрали. Место было пафосным. В это время года малолюдным.

– Там сейчас вечерами по два-три столика занято, не больше. Основные клиенты за границей, на отдыхе. Так что народу будет мало, – обещал Миша. – И кстати, твой Валя там часто ужинал с артисткой. Это было их любимым местом,

судя по информации. Сделай ей «приятное». А народу там сейчас точно мало.

Но Миша ошибся. Обведя взглядом занятые столики, Ника насчитала почти тридцать человек. Плюс они с Валечкой. Ну что же, так, значит, так. Не поворачивать же обратно.

Их столик стоял в самом центре зала. Просто лобное место какое-то! И в диаметре был почти полтора метра – рассчитан человек на восемь. И когда их рассадили друг напротив друга, Ника поняла, что ни о каком доверительном, интимном разговоре и мечтать нечего. Нужно будет говорить громко, почти кричать, чтобы Валечка ее услышал.

Вот Мишка идиот! Так подставил. Просила же...

Они расселись. Сразу уткнулись в меню. Через десять минут сделали заказ, который подразумевал двадцатиминутное ожидание. И что ей, скажите, всё это время делать? Таращиться на посетителей?

Тут заиграла живая музыка. Исполняли медленный танец. К сцене потянулись танцующие. И Ника, вытянув над столом руку, призывно шевельнула пальчиками и мило улыбнулась мужу.

– Хочешь потанцевать, дорогая? – удивился тот.

Они редко танцевали за ужином в ресторанах. Почти никогда этого не делали.

– Хочу, – одними губами ответила она.

Нечего было и мечтать, чтобы он ее услышал. Музыка звучала оглушительно.

– Идем.

Валечка поднялся с места, дошел до нее и вытянул руку.

Господи, какая же старая у него была ладонь! Кожа съевшаяся, сухая, с пигментными пятнами. Пальцы мелко подрагивали. Ногти синеватые. С ним на самом деле всё в порядке? Врачи не ошиблись, ставя Валечке диагноз «здоров»?

– Идем, – нетерпеливо повторил муж и грубовато схватил ее за предплечье.

Они танцевали молча. Музыка была очень громкой. Танцевали на приличном расстоянии друг от друга. Танцующих было много, и Ника воздержалась от того, чтобы прижиматься к мужу. И лишь на последних аккордах прильнула к Валечке и шепнула ему на ухо:

– Люблю тебя, мой дорогой.

– Ну... Приятно, что... Я как бы... – принялся он бормотать невнятно.

Но тут музыка стихла, танцующие зашлись аплодисментами. И что ее супруг «как бы», Ника так и не услышала. Они вернулись за столик.

Почти сразу начали приносить заказ. Поверхность стола заставлялась тарелками, салатниками, блюдами, бокалами для вина и воды. Ника и Валечка сосредоточились на еде. Музыка оглушала, менялись композиции – одна громче другой. Вероника ела, почти не чувствуя вкуса. И мысленно посылала Мишу ко всем чертям за сделанный им выбор.

Это надо было постараться, чтобы отыскать место, где совершенно невозможно было разговаривать. У нее на этот ужин были такие планы! Она хотела аккуратно прояснить ситуацию со своим статусом. Она всё еще его жена или как?.. Ну и вскользь поинтересоваться насчет его вложений в сериал. О чем он вообще думал, влезая в этот киношный бедлам?!

В какой-то момент у нее сильно разболелась голова. И захотелось домой.

К чему был весь этот фарс? Ужин без романтики, танец без страсти. Валечка даже не сказал, что любит ее. Промурлыкал что-то нечленораздельное, и всё. И сейчас, сидя на другом конце стола, почти на нее не смотрит. Пялится в телефон, пишет кому-то сообщения и улыбается. Точнее, пытается подавить улыбку, но она прорывается сквозь плотно сжатые губы – счастливая, полная тайного смысла улыбка.

К черту всё!

Вероника наклонилась над тарелкой, намереваясь доесть блюдо из морепродуктов. Готовили тут недурно, надо признать. Вот сейчас она доест, допьет свой бокал вина и, сказавшись усталой, запросится домой.

Музыка наконец стихла. Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Никогда прежде она не следила за временем, когда они бывали вместе в таких вот местах. Было хорошо с Валечкой рядом, не нудно, ничто не раздражало. И конечно же, музыка случалась громкая и люди за сосед-

ними столиками шумные. Ничего не замечалось. Теперь же все поменялось.

– Как тебе еда, дорогая? – каким-то неузнаваемым голосом спросил супруг.

Вероника вскинула взгляд на мужа. Он выглядел странно бледным.

– Еда? Вполне прилично.

Она покосилась на свою тарелку. За плохими мыслями успела съесть почти все. Валентин съел лишь половину. Но он не заказывал морепродукты. Заказал утку в винном соусе с овощами. Какой-то сложный салат с кедровыми орешками. И вино он пил красное, а она белое.

– Что-то мне в этой еде не нравится, – проговорил неуверенно Валечка.

– Может, специи?

– Возможно, но что-то в горле такое...

Он кашлянул пару раз, придерживая салфетку возле рта. Потом, положив салфетку рядом с бокалом, отодвинул от себя тарелку с уткой. Жестом подозвал официантку.

– Заберите это, – брезгливым жестом указал Валечка на мясо.

– Вам не понравилось? – уточнила девушка, откровенно расстраиваясь.

– Нет. Не понравилось. Заберите. И несите уже десерт.

Последние слова он произнес сварливым, неприятным голосом. И Вероника снова подумала, что он стал старым и

нудным. И в свете этих выводов весьма странно, что он завел отношения с молоденькой девчонкой. Станет она терпеть его брюзгливые старческие выкрутасы?

Хотя...

За те деньги, которые он решил вложить в нее, станет. И еще как станет. И руки его морщинистые в пигментных пятнах станет целовать, и...

– Что с тобой, Валечка?

Он смотрел прямо на нее жестко, даже зло. Официантка к тому времени уже забрала его тарелки, стряхнула крошки со стола и поменяла салфетку. Валечка ждал десерт. И попутно сверлил Веронику взглядом, от которого ей мгновенно сделалось холодно и страшно.

Вот сейчас, сейчас он объявит, что бросает ее! Взгляд был именно таким – обещающим неприятности. И все ее усилия пошли прахом. Нечего было и затевать этот дурацкий ужин. У нее голова разболелась от громкой музыки и постоянного эмоционального напряжения. Валечке еда не понравилась, и теперь он станет срывать именно на ней – на своей жене. Наговорит всякого, а то и о разводе объявит.

– Ты... – прошипел он довольно громко.

– Да, дорогой?

– Ты это сделала? – Шипение мужа стало слабее.

– В смысле?

Вероника наморщила лоб, пытаясь понять, что он имеет в виду. Жалкая улыбка, а она была уверена, что улыбка вы-

глядит именно жалкой, кривила ее рот.

– Ты, сука, это сделала? – едва слышно произнес Валечка.

И следом голова его с грохотом упала на стол, упираясь лбом в свежую салфетку. Тело несколько раз конвульсивно дернулось и затихло. Кажется, все головы в зале повернулись в их сторону. И стало оглушительно тихо. Лишь откуда-то издалека доносился приглушенный смех и звон посуды – видимо, с кухни.

– Валя! – судорожно сглатывая, позвала его Вероника. – Валя!

Муж не шевелился. Правая рука, крепко сжимающая салфетку, лежала на столе. Пальцы левой руки с силой стиснули лацкан пиджака. Медленно поднявшись, подобрав подол длинного вечернего платья, Вероника на негнущихся ногах пошла к мужу. Остановилась возле его стула, наклонилась к нему и тут же в страхе отшатнулась. Прямо на нее смотрел Валечкин левый глаз – пустой, остекленевший.

– Валя! – толкнула его в плечо Вероника. – Валя, что с тобой?!

Он не шевельнулся, не отозвался, не моргнул.

– Помогите! – крикнула она, беспомощно озираясь. – Помогите кто-нибудь!

И тут как по приказу все вокруг нее задвигалось и загремело. Подбежали какие-то люди, начали ее оттаскивать от мужа. И она была им за это крайне признательна. Ей стало очень страшно. Зубы стучали, плечи тряслись от странного

озноба.

– Вам есть кому позвонить? – глядя на нее с сочувствием, поинтересовался один из посетителей ресторана.

Вероника не к месту вспомнила, что он танцевал со своей спутницей рядом с ними. Девушка жалась к нему очень откровенно. Они с Валею танцевали, соблюдая все правила этикета, а вот эта пара...

Господи! Еще несколько минут назад они с Валечкой танцевали, и вдруг ему сделалось плохо! Его голова упала на стол, а взгляд сделался странно стеклянным.

– Что с ним?! – удалось ей спросить с третьей попытки, зубы стучали друг о друга. – Что с моим мужем?

– Кажется... Кажется, он умер, – нисколько не щадя ее, ответил мужчина.

– Не-ет! – отшатнулась от него Вероника. – Что за чушь! Ему просто плохо! Нужно вызвать скорую! Немедленно!

– Вызвали, – погладил он ее по голой руке. – Они уже подъезжают. И полиция тоже.

– Полиция зачем? Разве Валечка что-то нарушил? – спросила она слабым жалобным голоском. – Мы просто ужинали и... Господи, он правда умер?!

– Правда, – продолжая быть безжалостным, честно ответил мужчина. – И вам надо это принять.

Она минуту смотрела на симпатичного бессердечного человека, а потом всё померкло.

Глава 4

– Ты как? – Панкратова, сидевшая за рулем его машины, покосилась на него недобро. – Готов?

Он вяло пожал плечами. И полез в отделение для перчаток за одеколоном. Несколько раз пшикнул на шею, разбавляя табачную вонь старого бара, расположенного в подвале его дома. Один раз пшикнул в рот.

– Офигеть как ароматно, – поморщилась Панкратова брезгливо. – Ты бы одеколон какой-нибудь подороже купил, что ли. Издохнуть же можно, если не от твоего перегара, так от твоего парфюма.

– Имею полное право вонять перегаром, Оленька. – Дима Воинов широко зевнул, подумал и еще раз пшикнул в рот одеколоном. – У меня законный выходной. И то, что ты меня выдернула с отдыха...

– Охрененный отдых, майор! Торчат в подвале в сизом дыму в обществе алкашей, – возмущенно заметила она.

– Это не подвал, во-первых, а бар. Там привычно и уютно. Да, курят. Но это бар для курящих. И там очень вкусно готовят. И я был в обществе не алкашей, а своих приятелей, – возразил Воинов, подняв вверх правый указательный палец. – А ты меня дернула. Зачем?

– Затем что у нас происшествие. Я дежурная по отделу.

– И дежурила бы себе на здоровье. С кем, напомни, ты

сегодня дежуришь? С Ароматным?

– С ним.

– И что пошло не так? Он выпачкал манжеты своей бело-снежной рубашки и помчался домой переодеваться?

– Почти угадал, майор, – усмехнулась Оля. – Он пролил на себя кофе. И да, поехал домой переодеваться.

– Твою дивизию, а! – вытаращился на нее Воинов. – Ты серьезно?! Из-за этого хрустящего воротничка ты испортила мне единственный выходной? Я на тебя рапорт напишу, Панкратова! И на тебя, и на капитана Ароматного!

Вообще-то, капитан был никаким не Ароматным. Звался он Ромой, фамилия его была Танин. Был он неприлично хорош собой, до невозможного аккуратен и, не в пример Диме, пользовался только дорогим парфюмом. И однажды, заглянув к ним в кабинет на кофе с домашним Олиным печеньем, кто-то из коллег поинтересовался:

– Кто это тут у вас такой ароматный?

– Это Рома, – похвалила коллегу Оля.

– А, Рома! – усмехнулся тот, кто любил дармовой кофе. – Просто Рома Ароматный какой-то у вас получается!

И пошло-поехало. Иногда даже полковник на совещании называл его так. Рома поначалу психовал, потом смирился...

Оля припарковала машину возле ресторана. Полезла в карман, вытащила два кубика жевательной резинки, вложила ему в ладонь.

– На вот, зажуй свое удовольствие.

Воинов послушно закинул жвачку в рот, принялся интенсивно жевать. Через пару минут он уже входил следом за Олей в обеденный зал дорогого ресторана.

Зал просторный. Портьеры бархатные. Стеклянные цветочные горшки с подсветкой. Под потолком сияли все до единой люстры, заливая зал ярким, ослепительным светом. Зайдя с уличной темноты, Воинов долго пытался проморгаться, заслезились глаза. Когда зрение вернулось, он обнаружил в дальнем углу зала группу нарядных людей – посетители, понял он. Несколько человек из персонала жались к стенам у входа в зал. Медики – врач скорой и фельдшер – были мужчинами. Сидели за соседним от места происшествия столом, о чем-то вполголоса разговаривая. Тело они не тронули. То по-прежнему оставалось на месте, упиралось лбом в стол. Одна рука умершего крепко сжимала салфетку. Вторая вцепилась в лацкан пиджака, там и осталась.

– Что произошло? – спросила Ольга, быстрым шагом подходя к медикам.

– Мы приехали по вызову в двадцать три пятнадцать, – откликнулся первым фельдшер. – И нам оставалось лишь констатировать смерть.

– Которая наступила?..

Оля перевела взгляд с фельдшера на врача.

– На первый взгляд, по естественным причинам, – равнодушно глянул тот на мужчину, умершего за ужином. – Всё указывает на сердечный приступ.

– Никакого отравления?

– Нет, – подумав, мотнул врач головой. – На отравление ничто не указывает. А вот признаки сердечной недостаточности налицо. Но всё после вскрытия, сами понимаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.